

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЙЕН МАКДОНАЛЬД

НЕКРОВИЛЬ

•

ДНИ СОЛОМОНА ГУРСКИ
ТАЙНОЕ МЕСТО
КОЛЬЦО ВЕРДАНДИ
РАЗРЫВ

Перевод с английского:
Наталия Осояну

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М15

Ian McDonald

NECROVILLE
The Days of Solomon Gursky
The Hidden Place
Verthandi's Ring
The Tear

Печатается с разрешения автора и его литературных
агентов Zeno Agency (Great Britain)
при содействии Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Перевод с английского: *Наталья Осояну*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-149163-5

Necroville: Copyright © Ian McDonald 1994
The Days of Solomon Gursky: Copyright © Ian
McDonald 1998
The Hidden Place: Copyright © Ian McDonald 2002
Verthandi's Ring: Copyright © Ian McDonald 2007
The Tear: Copyright © Ian McDonald 2008
© Наталья Осояну, перевод, 2023
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКРОВИЛЬ

Утро и день. 1 ноября	7
Закат — 21:30. 1 ноября	82
21:30 — полночь. 1 ноября	162
Полночь — 4:00. 2 ноября	261
4:00 — восход. 2 ноября	353
День. 2 ноября	457
Благодарности и прочее	484

ДНИ СОЛОМОНА ГУРСКИ

Понедельник	486
Вторник	495
Среда	506
Четверг	519
Пятница	535
Суббота	554
Воскресенье	571
Тайное место	585
Кольцо Верданди	631
Разрыв	657

НЕКРОВИЛЬ

*Триша,
это тебе*

Постулат Уотсона:

Забудьте о превращении мусора в нефть или астероидов — в груды «фольксвагенов», а также о том, чтобы повесить в гостиной точную копию Ван Гога. Первое, что мы получим от нанотехнологий, — бессмертие.

Следствие Теслера¹:

Первое, что мы получим от нанотехнологий, — воскрешение мертвых.

¹ *Теслер* — фамилия, в переводе с идиш означающая «плотник». — *Здесь и далее прим. пер.*

УТРО И ДЕНЬ

1 ноября

Утром на границе владений Сантьяго обнаружился мертвец, наполовину слившийся со стеной.

Вирткомб, пробужденный первыми спазмами небесного знака в пятидесяти километрах над городом, вышвырнул Сантьяго в реальный мир, навстречу грохоту, мерзости и свету зари. Нейроны один за другим отключались от виртуальных грез. Интимно льнущие щупальца из тектопластика уползали прочь от передней части ушного лабиринта, полушарий, евстахиевых труб; освобождали зрительные нервы от своей хватки. Пленчатые схемы вирткомба отслаивались от черепа, позвоночника и гениталий, текли по коже, словно амниотическая жидкость, сползали с кончиков пальцев, чтобы вновь обрести вид трепещущей сферы из полуразумного нанополимера в ладонях, сложенных чашечкой. *Introibo ad altare*¹. Химическое пламя, пылавшее в крови всю ночь, превратилось в хлопья наркотического пепла на дне вен.

¹ И подойду я к жертвеннику [Божию] (*лат.*). Псалтирь, Псалом 42, стих 4.

Мучительно корчился и горел алым пламенем небесный знак: искусственное полярное сияние из микроскопических светоотражающих текторов¹, распыленных по всей тропопаузе² и разожженных прикосновением солнца, которое еще не поднялось из-за гор на востоке. Свет падал сквозь прозрачную крышу студии, озаряя распростершихся на полу приятелей Сантьяго. Зловещие репетиции распятия. Игрушечные Голгофы. Святые и мученики.

Сантьяго коллекционировал святых и мучеников.

Он поместил уснувший вирткомб в резную урну для праха, купленную в каком-то из кишаших обитателями некровилей Вьехо Мехико. Скользнул взглядом по висящим на стенах зеркалам в роскошных рамах: уже не Владыка Паутины, ангел, облаченный в серебряную филигрань наносхем. Всего лишь Сантьяго Колумбар. Двадцати семи лет от роду, чуть выше двух метров ростом. Крупный. Нескладный. Черные волосы стянуты в практичную косицу, подчеркивая жесткие, словно горный пейзаж, черты. Нейрохимический художник, виртуалисто. Когда-то ему этого хватало. Не теперь. Теперь он не мог смириться, что не добьется большего. Останется Сантьяго Колумбаром — унылым, продрогшим, голым, недовольным, одиноким.

Смертным.

Одной из множества архитектурных причуд, унаследованных Сантьяго от предыдущего хозяина *residencia*³,

¹ В буквальном переводе с латыни *tektor* — маляр, однако термин также может быть связан с греческим *tektōn* (τέκτων) — строитель, мастер, а также плотник (как и упомянутый ранее *tesler*).

² *Тропопауза* — переходный слой от тропосферы к стратосфере.

³ *Residencia* — здесь: особняк (*учн.*).

был балкон. Как ни странно, он пережил трансформацию обиталища, осуществленную текторами-строителями. Балкон смотрел на запад — создатель задумал его в качестве места для вечеринок в сумерках, чтобы близкие друзья могли полюбоваться закатом над роскошными холмами Копананги. Сантьяго с него следил за приближением армии мертвецов.

Батисто, мертвый слуга, принес Сантьяго *agua mineral*, слегка *pétillante*¹. Тот не пил ничего крепче. Кофеин и алкоголь добавляли в скрупулезно просчитанные формулы его химических снадобий непредсказуемые переменные.

Вуали рассветного небесного знака пульсировали над головой. Генетизированные обезьяны стрекотали, раскачиваясь на ветвях множества деревьев, растущих в Копананге. Комендантский час завершился, *сегуридадос* и их мехадоры — ночные стражи порядка — скрылись из вида. Врата в некровили открылись, границы на время исчезли. Живые и воскрешенные теперь могли проникать во владения друг друга. Между рассветным и закатным небесными знаками мертвые могли передвигаться среди живых — среди мяса, — но не становились им ровней. Жизнь оставалась жизнью, а смерть — смертью, невзирая на нанотехнологическое воскрешение. Ибо так гласило решение по делу Барантеса. Сорок лет прошло с тех пор, как мертвецы воскресли, и никому не удалось повергнуть этот столп нового миропорядка. История увековечила прецедент, пренебрегла проигравшей стороной. Что, где, когда,

¹ *Agua mineral*, слегка *pétillante* — минеральной воды, слегка газированной (исп. и фр.).

с кем случилось — в чем была суть эпохального судебного разбирательства? Йау-Йау¹, умная маленькая адвокатесса, должна знать. Надо у нее спросить. Этим же вечером, в кафе «Конечная станция». Наверное, суть в деньгах. Вполне возможно, в наследстве. На то оно и *завещание*, чтобы драться *за вещи*. Иные слова весьма красноречивы.

Он сперва их услышал, потом увидел; армия мертвецов хлынула по каньону Копананга с его извилистыми улицами и огороженными владениями: мальчики на побегушках, садовники, повара, горничные, лакеи, шоферы, чистильщики бассейнов, дворецкие, спортивные наставники, личные тренеры, воспитатели, гувернантки, сиделки, няньки, секретари, ассистенты, скульпторы, художники, ремесленники, строители, каменщики, столяры, архитекторы, дизайнеры, массажисты, духовные проводники, любовники, секс-игрушки. Однажды женщина, которая называла себя Миклантекутли — его духовный проводник, любовница, мучительница и муза, — сказала, что мир живых покоится на ладонях мертвецов. Пять лет назад Миклантекутли ушла, отправилась к мертвым в некровиль Святого Иоанна². Контракт с Домом смерти — вторая опора мироздания — был не для нее. Узаконенная кабала. Семейство Миклантекутли из агломерации Трес-Вальес могло позволить себе страхо-

¹ Для передачи особенностей кантонского произношения использована система, предложенная российским китаеведом К. А. Котковым, как наиболее точно отображающая произношение кантонского диалекта.

² Подразумевается апостол Иоанн Богослов, с которым связаны как истории о воскрешении мертвецов, так и последняя книга Нового Завета — «Откровение Иоанна Богослова» («Апокалипсис»).

вые полисы инморталидад¹, чтобы рассчитаться с паромщиком. Единовременный платеж, с процентами. Утренний поток мигрантов, проникая на частную территорию через двери и ворота для прислуги, рассосался по гасиендам Копананги, по residencias и многоуровневым особнякам в ретро-стиле, в духе Фрэнка Ллойда Райта. Еще один рабочий день в раю. Сколько тысяч таких путешествий им предстоит совершить, чтобы рассчитаться за воскрешение с Домом смерти и непоколебимым одноглазым Ваалом, корпорацией «Теслер-Танос»?

Сантьяго большими глотками выпил свою газировку. Солнце приподняло над холмами Старого Голливуда светящуюся бровь.

— Еще воды, сеньор?

За три года Сантьяго так и не привык к обескураживающей способности Батисто предугадывать желания хозяина. Он принял вторую бутылку «Трес Мариас».

— Почему бы и нет? В конце концов, сегодня День мертвых. Salud², Батисто.

— Salud, сеньор.

Беспросыпную, кристально-чистую тишину, заполняющую тенистые улочки Копананги, нарушил вопль. Отчаянный, жуткий и невыносимо долгий крик женщины, которая наконец столкнулась лицом к лицу с тем, чего боялась больше всего на свете.

Сантьяго вряд ли встревожился бы из-за очередного вопля с авеню Эстремадура, если бы тот не прозвучал прямо у него за воротами — коваными, ручной работы.

¹ *Inmortalidad* — бессмертие (*исп.*).

² «Ваше здоровье!» (*Исп.*).

Человеческие останки сплывались с нижней частью белой стены между воротами и проулком для прислуги. Сеньора Сифуэнтес — соседка, которую Сантьяго терпел из вежливости, — стояла там и тарасилась, вопреки явному желанию отвернуться. Вторник-четверг-суббота: на место казни ее привело собственное расписание утренних пробежек.

Сантьяго присел, чтобы получше изучить омерзительное зрелище.

Мертвец был мертв. Смерть от теслера ни с чем не перепутаешь.

— МИСТ-27, — высказал свое предположение Сантьяго. Кассетное самонаводящееся устройство. Игла из разумного тектопластика, вылетающая из теслерного дула с постоянным ускорением в двенадцать g, выискивающая жертву по резонансу биополя. В тридцати сантиметрах от цели игла разделялась на рой дротоиков размером с зернышко кориандра, способных фатальным образом нарушить работу текторных систем воскрешенного мертвеца. Беспощадное оружие. *Настоящая смерть*, с которой даже Дом смерти ничего не мог поделаться. Единственное, чего боялись воскрешенные.

Теслерный заряд угодил дважды покойнику прямо в середину тела. Даньтянь¹, центр бытия. И небытия. Ниже пояса теперь не было ничего, кроме смердящего рагу из асфальтобетона и синтетической плоти. Руки тянулись из покрытой волдырями стены в бесплодной мольбе. Верхняя часть торса наклонилась вперед, как чрезвычай-

¹ *Даньтянь (кит.)* — энергетический телесный центр в цигун и тайцзицюань.

но правдоподобный барельеф. Сантьяго испытал зловещее, навязчивое чувство, что незнакомец пытался пройти сквозь стену, и нечистое мертвяцкое вуду его внезапно подвело. Голова трупа с печалью наклонилась влево. Прямо как у Христа на кресте. Да, у Иисуса было такое же выражение лица. Ужас, боль, гнев, скорбь, предательство. «Или, Или, лама савахфани!»¹, холодной сваркой прикрепленное к главному дну. В древности, на заре Эры Информации, бытовало суеверие: дескать, на сетчатке сохраняется отпечаток увиденного за миг до смерти.

Даже смерть не лишила убитого красоты. Мертвые были физически привлекательным племенем. Когда плоть можно разобрать на составные части и воссоздать в любой форме, совершенство рождается без труда, а молодость стоит дешево. Так же как уродство, дряхлость, причудливо-величавая монструозность, стильные и волнующие изыяны, лики и тела знаменитых кинодромных старлетов.

Генетизированные макаки со шкурами всех цветов радуги уже потрудились над пальцами, ободрали тектоплазму с синтетических костей. Одна обезьяна лежала в канаве дохлой кучкой переливчатой шерсти. Других ожидала та же участь: вероломная сладость мертвого мяса таила в себе отраву. Скоро слетятся птицы, чтобы ислекать глаза, уши и губы.

Сантьяго изучил мертвые руки трупа. Ладонь оказалась нетронутый.

¹ В синодальной Библии: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?» Фраза относится к последним словам Иисуса Христа, произнесенным на кресте.

— У него нет знака смерти? — озвучила миссис Сифуэнтес тревожную мысль, которая пришла в голову обоим.

Знак в виде буквы V: нисходящий штрих — жизнь плотская, подвластная энтропии; восходящий — жизнь вечная, воскрешенная; горизонтальная черта — неотвратимость смерти. Неуничтожимая печать Дома смерти. Очень редко спиновые переменные во время реконфигурации могли отобразить знак на левой руке, а не на правой, но резервуары Иисуса никогда не давали осечки. Возродиться без печати — все равно что без рук, сердца, головы. Немыслимо.

У подножия стены лежала воплощенная загадка.

— Разве не надо... я не знаю... ну, убрать это или прикрыть? — спросила миссис Сифуэнтес, чье отвращение наконец-то пересилило любопытство.— Пока прислуга ничего не увидела...

— Позвоню в «Копананга Секьюритиз»,— решил Сантьяго.— А пока что... Сеньора Сифуэнтес, вы испытали пренеприятное потрясение; если хотите, я прикажу слуге приготовить вам чай или что-нибудь еще.

Сеньора Сифуэнтес вежливо отказалась. Сантьяго никогда не забывал о том, что на зеленых от полива райских лужайках Копананги он в некотором смысле змей-искуситель. Он проследил взглядом за женщиной, которая тотчас же убежала, виляя обтянутым лайкрой задом,— поспешила в свой умный дом, чтобы там исцелиться от перенесенной травмы.

Его позвали из-за стены.

— Сейчас буду, Батисто,— откликнулся Сантьяго.

Опустившись на колени на согретой солнцем улице, словно в ожидании облатки с изображением Христа,

Сантьяго обхватил ладонями голову мертвеца. Наклонился, поцеловал его в неживые губы. Они оказались мягкими и имели странный мускусный привкус.

Батисто повел Сантьяго через пышные заросли в той части владений, за которой долго не ухаживали. Когда даже собственный дом превращается в другую планету, пора пересмотреть образ жизни.

В рощице жакаранд, чьи ветви сгибались под тяжестью тропических эпифитов, обнаружился мертвый мехадор. Смертоносная машина застряла, покосившись, в неглубокой борозде. Вероятно, импеллеры внезапно отказали, что и повлекло катастрофические последствия. Клювастая голова, снабженная сенсорными системами, оцепенела в последнем дерзком выпаде. Теслер по-прежнему был нацелен на координаты жертвы. Сантьяго изучил оружие. Четыре снаряда в магазине, два пустых гнезда. Над идентификационными данными производителя и серийным номером виднелся трехчастный инь-ян «Копананга Секьюритиз».

Система аварийного восстановления отказала раньше, чем робот успел передать сигнал бедствия. Левая сторона отсутствовала, лапа исчезла в похожем на раковую опухоль слое черного шлака. В шлаке были глаза. А еще рты. Между глазами и красными губными ртами — пальцы длиной в сантиметр, но с черными ноготками и завитками отпечатков; они указывали в ту же сторону, куда смотрели глаза. В центре ударного кратера виднелось безумное скопление соединенных как попало шестиугольников. Из щелей между ними выползли маслянисто-черные насекомые и собрались жужжащим облаком над мертвым мехадором.

Неживой мертвец, которого не должно было существовать; неуничтожимый ангел-разрушитель, обращенный в руины. Тут крылась непростая загадка. И более того: знаки, чудеса. Духовные посланники, зловещие знамения. Накануне ночью — после того, как Мислав и Чита нырнули в виртуализатор, — Сантьяго молился, прижимая ко лбу галлюциногенного паука. «Дай мне знак: я хочу понять, все ли предрешено или еще нет».

Ты получил ответ, Сантьяго Колумбар?

Родители, которых он не видел десять лет — с тех пор, как они преобразились, чтобы стать частью Милапского сообщества водорослевых пловцов, — когда-то считали себя буддистами Нового Откровения; сам же Сантьяго если и интересовался ортодоксальной религией, то лишь в качестве системы верований, которую можно было сравнивать с аналогичными системами, а также с физикой, математикой и пост-Мандельбродовской экономикой.

Сантьяго верил в эстетику джанка. Он считал, что наркотики — альтернативная программа для компьютера, сделанного из мяса. В сочетании с виртуальной реальностью они превращались в инструменты для изучения пределов собственного «я». Понятливые машины с помощью ласковых гильотин отсекали дух от плоти и отправляли во тьму, в пустоту, и даже за пределы пустоты — в первозданный свет.

А потом в один прекрасный день Сантьяго проснулся (он мог с точностью назвать дату, время, микроклимат, мировые новости, курс тихоокеанского доллара по отношению к корзине соперничающих валют) и понял, что на него это больше не действует.

Двери личного опыта, через которые Сантьяго столько лет пытался удрать от самого себя, захлопывались одна